

Содержание

Андрей Юрганов. “Что быть могло, но стать не возмогло...”	7
С точки зрения ежика. Вместо введения	11
862 Власть и волость	15
1252 Меж Ордой и орденом	36
1380 Несостоявшийся союз	58
1418 Самоубийство средневековой демократии	75
1453 Шемяка против Темного	91
1564 Опричнина против земщины	106
1610 За что боролись в Смуту	123
1666 От “симфонии” к расколу	138
1697 Европеизация от амуниции	159
1730 Тридцать душ — цена “конституции”	183
1763 Минерва и канарейки	204
1792 Гром победы и храбрые россы	223
1820 В поисках розы без шипов	239
1824 “Мыслящие восстали...”	258
1830 “Апогей самодержавия”	284
1860 Отступничество русского Галилеянина	306
1878 Кровь по совести	326

1881	Плоды “ананасного” манифеста	355
1903	“Полицейский карьерист” против “полужиды”	384
1907	Конституционный эксперимент	408
1917	Война и революции	434
1918	Красные, белые, розовые и зеленые	460
1928	Соблазн большого скачка	485
1948	Победа над победителями	506
1957	Накануне коммунизма	540
1968	“Я — могу — говорить!”	568
1987	Человеческий фактор	586
1997	Пейзаж после битвы	609
 Горизонт ожиданий. Вместо эпилога		636

8 сентября 1862 г. в Великом Новгороде на площади между Софийским собором и Присутственными местами проходила невиданно пышная церемония. В присутствии государя императора, наследника цесаревича, членов императорской фамилии, Синода и Сената был торжественно открыт памятник Тысячелетия России.

Грандиозное сооружение, плод фантазии дотоле никому не известного выпускника батального класса Императорской академии художеств Михаила Микешина, силуэтом напоминало одновременно шапку Мономаха и колокол. Но главная удача скульптора, обеспечившая победу его проекту, заключалась в удивительно точном переводе на язык скульптуры традиционного взгляда на отечественную историю. Сущность России виделась в уникальном сочетании “православия, самодержавия и народности”. Соответственно, в верхней части монумента ангел, олицетворяющий православие, благословляет коленапоклоненную женщину — Россию. Помещенные на втором уровне шесть групп представляли разные стадии становления российской монархии. В нижнем ярусе располагалось 109 персонажей, в частности и простого звания, положивших жизнь на создание великой России. Тысячелетняя история России мыслилась как тысячелетняя история монархии.

Почетное место в среднем ярусе монумента занимала сцена призвания славянами на княжение варяга Рюрика. К юбилею этого события, собственно, и было приурочено торжество, ибо с актом “добровольного призвания” связывалось установление на Руси монархического начала и даже появление государственности вообще. Уже Василий Никитич Татищев — первый российский историк — изображал древнерусских князей самовластными государями, а политическую систему Древней Руси как монархию. Идея эта закрепилась в российском общественном сознании с появлением в 1816 г. “Истории государства Российского” Николая Михайловича Карамзина, ставшей для россиян своеобразным “открытием” собственной истории. Прекрасный язык, глубокое знание источников, яркие образы героев — все это сделало труд Карамзина основой исторических знаний многих поколений.

Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан: так повествует наш Летописец — и рассеянные племена Славянские основали Государство, которое граничит ныне с древнею Дакиєю и с землями Северной Америки, с Швециєю и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира. Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению Монархической власти.

(Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. Гл. 4)

В трудах историка Михаила Петровича Погодина (сына крепостного, отпущенного на волю, получившего возможность учиться в Московском университете и впоследствии ставшего его профессором и главой кафедры русской истории) добровольное призвание было истолковано в духе этой доктрины, но со значительным антизападническим заострением в соответствии со знаменитой триадой министра народного просвещения графа С.С.Уварова “Православие, самодержавие, народность”. Сама формула Уварова была создана как своего рода полемический ответ на знаменитый лозунг Великой француз-

ской революции “Свобода, равенство, братство”: вместо свободы Уваров предлагал православие как подлинную свободу (не в человеческом, а в божественном смысле), равенству противопоставлял самодержавие, а вместо космополитического братства выдвигал народность, то есть национальную идею.

Противопоставление России Западу особенно усердно насаждалось в эпоху Николая I. Перо Михаила Погодина было отзывчиво на пожелания начальства, и он писал, что в Западной Европе государства возникали в результате завоевания (например, галлов франками, бриттов норманнами), а на Руси — добровольного призвания варягов новгородцами. Поэтому русская история бесконфликтна и проникнута “народностью” (то есть идеей единства русского народа и единения его с царем), а западная началась с порабощения и движется социальной борьбой и т. д.

Впоследствии представление об исконном существовании монархии на Руси было усвоено и “государственной школой” историков и марксистской историографией. Так, М. Н. Покровский считал возможным говорить о “варяжском абсолютизме” в Древней Руси. Да и в наши дни, открыв любой школьный учебник, мы непременно обнаружим в начале главки сакраментальную формулу: “Во главе Руси стояли великие киевские князья, которые были полноправными правителями страны”, позднее переходящую в тезис о Киевской Руси как о “раннефеодальной монархии”. А популярный политик запросто может заявить с экрана телевизора, что гражданское общество в России невозможно, ибо ее “естественный путь” — самодержавие.

Между тем при обращении к первоисточникам уже в эпизоде с призванием варягов обнаруживается устройство власти, весьма далекое от самодержавной монархии.

Древнейший летописный свод “Повесть временных лет” под 862 годом сообщает, что несколько племен, населявших северо-запад современной России, — ильменские словене, кривичи и чудь, платившие дань варягам, — возмутились, “изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой

всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля”.

Распространенная в XVIII–XIX вв. трактовка варяжского призвания как момента образования государства давно оставлена наукой. В момент же своего появления она была вполне основательной научной гипотезой, поскольку считалось, что феодальные отношения возникают только в результате завоевания, когда иноплеменные победители “надстраиваются” в качестве высшего сословия над подвластными и порабоощаемыми племенами. Поскольку, по крайней мере с XII столетия, на Руси несомненно обнаруживались элементы социальной (экономической и политической) конструкции, близкой к феодальной, то естественно было историкам искать и завоевателя. Варяги вполне подходили на эту роль. Когда к концу XIX в. выяснилось, что феодальные отношения могут возникать без всякого завоевания, гипотеза потеряла основание и из научной литературы перекочевала в пропагандистские брошюры, изготавливавшиеся как в России, так и в Европе для моральной подготовки подданных к войне (от Семилетней в XVIII в. до холодной в XX столетии).

Впрочем, просто при внимательном чтении летописного известия становится очевидным, что призвать кого-либо, хотя бы и варяга, для исполнения общественных функций можно только в том случае, если сами эти функции уже существуют, когда есть кому и куда призывать. В известии о призвании Рюрика мы, несомненно, обнаруживаем три важнейших элемента политической конструкции Древней Руси в их взаимодействии. На первый план выступает здесь собрание представителей племен, прообраз земской власти, известной нам по более поздним источникам как вече. Вторую силу представляет призываемый “володеть и судить” князь. Князь приходит не один, он является в окружении соратников, пособляющих ему исполнять княжескую должность. Мифические братья Рюрика, бесследно исчезающие сразу после прибытия, по всей видимости, — плод недоразумения. Скорее всего, летописец, читая скандинавский источник, принял описание традиционного окружения варяжского предводителя — конунга — за имена его братьев: Синеус возник из *sine hus* (“свой род”), а Трувор из *thru varing* (“верная дружина”). Вооруженный отряд князя, его интернациональная дружина, составляет третий необходимый элемент древнерусской политической конструкции. Эти три силы находятся в сложном взаимодействии, которым и определяется все своеобразие нашей политической истории древнейшего периода.

В 1862 г. самодержавная империя увековечила в бронзе тот образ истории, который ее наилучшим образом устраивал. Выбор, сделанный нашими более отдаленными предками в 862 г., имел совершенно другой смысл. Во всяком случае, у современных историков есть веские основания полагать, что, если бы жителям Древней Руси довелось участвовать в открытии микешинского монумента, они пришли бы в недоумение, а разобравшись что к чему, потребовали бы поменять ярусы местами.

Земля наша велика и обильна

Историки много спорили и будут спорить впредь относительно реальных событий, отразившихся в легенде о призвании варягов, произвольно и, по всей видимости, неточно отнесенных летописцем к 862 г. Идиллическая картина “добровольного призвания”, во всяком случае, не соответствует действительности. Скорее всего, тогда речь шла о призвании варяжского конунга с дружиной не на княжение, а для помощи в войне. Позднее варяги совершили “государственный переворот”, сопровождавшийся избиением словенских предводителей и знати, смутные воспоминания о котором сохранились в поздней Никоновской летописи (XVI в.). Под 864 г. там повествуется о том, как “оскорбились новгородцы, говоря: каково быть нам рабами, принимая столько зла от Рюрика и его родичей! В том же году убил Рюрик Вадима Храброго, и других многих перебил новгородцев его советников”. В 867 г., по сообщению той же летописи, “убежали от Рюрика из Новгорода в Киев много новгородских мужей”. Так что варяжская династия утвердилась в Новгороде не без борьбы, но все попытки более детальной реконструкции тогдашних событий сталкиваются с острой нехваткой надежных источников, и все выводы остаются в высшей степени гадательными.

Несомненно, однако, что летописец, повествуя о событиях IX в., осмысливает их через реалии конца XI — начала XII столетия, когда политическая система Древней Руси вполне оформилась и на основе племенных союзов завершилось образование волостей-земель.

Прежде всего, приходится устранить обманчивую ясность слова “земля”. О какой земле говорится в речах, вкладываемых летописцем в уста словен, кривичей и чуди? Безусловно, имеются в виду не тучность новгородских почв и не лесные богатства. Землею, или волостью (“властью”), именуется в наших летописях самостоятельная государственная область, находящаяся под управлением “города”.

Древнерусский город — автономный общественный союз, носитель суверенитета. То, что в наших учебниках называется Древнерусским государством, по существу, представляло собой совокупность таких волостей. Во время похода Олега на Царьград он потребовал с греков дань не только для всех участвовавших в походе воинов со всех кораблей “по 12 гривен на уключину”, но и для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и для других городов, то есть в пользу всех общин, участвовавших в организации похода.

Древнейшие города возникают, как установили археологи, в результате слияния нескольких родовых поселков. Относительно Киева смутные воспоминания о существовании таких поселений сохраняются в предании об основании города тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом. Точно так же образовались в результате слияния нескольких первобытных поселений Новгород, Суздаль и Смоленск. Аналогичная картина прослеживается и в других городах.

Город возникал как центр взаимодействия нескольких племен, территориального, а не родового объединения — земли-волости, включавшей сельскую округу и малые укрепленные центры, подчиненные городу, числящиеся его “пригородами”. О главенствующем положении старшего города свидетельствует множество эпизодов, описанных в летописях. В частности, в 1151 г. жители Белгорода отказались открыть ворота Юрию Долгорукому, поскольку его не пустил к себе их старший город Киев.

Волости не были вполне устойчивы. Пригороды стремились к обособлению от своих городов и образованию самостоятельной земли-волости. Мотивы, толкавшие к такому обособлению, были не только материально-меркантильными. Пригороды, конечно, тяготились военными и финансовыми повинностями в пользу волостного центра, но главным образом стремление к обособлению порождала структура власти в земле-волости. Чересчур крупные размеры волости препятствовали непосредственному участию жителей в осуществлении власти.

Основным отличительным внешним признаком города были городские стены (в древности — просто частокол). Но замечательно то, что в сознании людей Древней Руси город отличался от других огороженных поселений — пригорода, городка и городища — признаком совсем не внешним. Городом именовался центр земли-волости, в котором функционировало вече.

Вопреки распространенному предрассудку вече действовало не только в Новгороде, Пскове и Вятке. Само слово “вече” употреблялось преимущественно в Северной Руси, но народные собрания, игравшие

аналогичную роль в политической жизни, существовали повсеместно. В летописях они скрываются под псевдонимом “дума”. Ключ к такому пониманию дает сообщение Лаврентьевской летописи под 1176 г. о вечевом собрании во Владимире, решавшем вопрос о том, какой князь должен “занять стол” после убийства Андрея Боголюбского.

Новгородци бо изначала, и смоляне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якож на думу, на веча сходятся; на что же старейшии сдумають, на том же пригороди стануть*.

(Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей.

Т. 1. М., 1997. Стб. 377–378)

Помимо ясного указания на устройство земли-волости, в которой периферийные центры — “пригороды” — безусловно подчинены власти вечевых “городов”, в этом отрывке ценно пояснение летописца, утверждавшего, что собрать вече — то же самое, что сойтись на думу и, соответственно, сдумать — значит принять вечевое решение. Это указание позволяет увидеть действие вечевого института и в тех случаях, когда само слово “вече” не упоминается. Благодаря этому ключу можно с большой долей уверенности утверждать, что, когда в ответ на хазарские требования “сдумавше поляне” и дали в качестве дани от дома по мечу, они придумали это не каждый сам по себе, а сойдясь на племенную сходку. Точно так же и древляне в 945 г. “сдумавше со князем своим Малом” оказать сопротивление киевскому князю Игорю, проявившему “несытовство” — то есть требовавшему непомерной дани, — видимо, приняли это решение на собрании, аналогичном вечу.

Источники не позволяют проследить промежуточные формы и этапы эволюции, но большинство историков склоняется к мысли, что вечевые собрания естественным образом вырастают из племенных сходок эпохи военной демократии. Косвенным свидетельством существования у славян таких собраний служит известие византийского автора VI в. Прокопия Кесарийского, отметившего, что славяне “не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и потому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом”. Длительное отсутствие термина “вече” в отечественных летописях, скорее всего, не означает перерыва в существовании самого этого института. Летописцы (составлявшие свои своды при княжеских дворах или в кельях — как правило, тоже княжеских монастырей) вообще мало интересовались регулярной работой органов власти и обращали на них

* Новгородцы же издревле и смоляне, и киевляне, и полочане, и все волости, как на думу, на веча сходятся; что старейшие [города] решат, на том и пригороды станут.

внимание только в моменты внутри- и внешнеполитических кризисов. Во всяком случае, неосновательным представляется мнение, высказанное в 1930-е гг. Б.Д. Грековым и получившее довольно широкое распространение по вненаучным причинам, а ныне разделяемое, кажется, только М.Б. Свердловым, будто “племенное вече — верховный орган самоуправления и суда свободных членов племени — с образованием государства исчезло, а в наиболее крупных территориальных центрах — городах (правда, не во всех русских землях) вече как форма политической активности городского населения появилось в XII–XIII вв. вследствие растущей социально-политической самостоятельности городов”.

Такой перерыв в деятельности старинного института представляется странным и к тому же не подтверждается источниками, в которых вечевые собрания эпизодически упоминаются и в XI столетии. В 1015 г. Ярослав Мудрый, варяжская дружина которого накануне перебила новгородскую верхушку “нарочитых мужей”, вынужден был при получении на другой день известия о захвате власти в Киеве Святотополком просить у новгородцев помощи “на вечи”. В 1068 г. киевляне “створиша вече”, дабы организовать отпор половецкому набегу, в борьбе с которым потерпел неудачу князь Изяслав. А на следующий год, когда изгнанный Изяслав попытался вернуться в Киев с помощью польских войск, горожане вновь “створиша вече”, призвавшее на помощь братьев Изяслава — Святослава и Всеволода, угрожая в противном случае, сжегши город, уйти в “греческую землю”.

Разумеется, сущность этого учреждения со временем менялась, и племенная сходка эпохи родового быта существенно отличалась от волостного веча XI–XII столетий. Однако ограниченность наших сведений не позволяет совершенно однозначно определить характер этих изменений. Спорными, как и 100 лет назад, остаются вопросы о составе и компетенции вечевых собраний, порядке их проведения.

Во всяком случае, неправильно представлять себе вече в виде хаотической толпы, принимавшей или отвергавшей предлагаемые меры силой крика. Единственное подробное летописное описание вечевого собрания позволяет заключить, что это было вполне формализованное действо, проходившее по определенному протоколу. На митинг собрание было мало похоже; по сообщению Лаврентьевской летописи, в 1147 г. “многое множество” киевлян, явившихся на вече у Софийского собора, прежде всего “седоша”. Далее рассевшиеся киевляне выслушали сообщение князя о причине собрания, приветствия послов, обращенные с соблюдением строгого этикета сначала к митрополиту, тысяцкому, а затем и ко всем “киянам”, и только затем выслушали посольские предложения.

То обстоятельство, что участники вече сидели, заставляет предполагать, что число их было невелико. Археолог В. Л. Янин, непревзойденный знаток быта древнего Новгорода, провел однажды с участниками своей археологической экспедиции эксперимент. Когда вечевую площадь устали скамьями, оказалось, что поместиться на них может не более 400 человек. Но если в этих сходках принимали участие не все жители города, то каким образом формировался их состав?

Относительно состава вечевых собраний продолжаются споры. Часть исследователей разделяет убеждение Янина о том, что 300 “золотых поясов”, заседавших на новгородском вече, по сообщению иноземного путешественника, представляли городской патрициат, старейшин усадеб, из которых состоял средневековый город. Другие полагают, что вечевые собрания были более “демократическими” и включали в себя выборных представителей городских районов — “концов”. Споры ведутся, конечно, относительно “правильного” вече в обычной ситуации; во времена смутные — в случае военной катастрофы или острого социального конфликта — на сходки сбегалось множество народа, и там уж было не до процедурных тонкостей.

Компетенция вече была довольно обширна. Среди важнейших вопросов, решавшихся вечем, были вопросы войны и мира, приглашение князя и заключение договора (“ряда”) с ним. В случае недовольства князем и нарушения им условий ряда вече могло указать князю “путь чист” (то есть изгнать). Некоторые эпизоды такого рода широко известны. Например, события 1136 г. в Новгороде, когда был посажен на два месяца под арест со всей семьей, а затем и изгнан князь Всеволод Мстиславич, внук Владимира Мономаха. Новгородцы дважды изгоняли и князя Александра Ярославича (Невского), покушавшегося на городские вольности. Беда в том, что в наших учебниках эти случаи представляются как чрезвычайные и исключительные, между тем это была рутинная практика древнерусских волостей.

Участвовало вече и в направлении “иностраннных дел”. Например, в договоре Новгорода с Готским берегом указывалось, что в выработке условий договора, которым князь Ярослав Владимирович утвердил мир “с послом Арбудомь и всеми немецкими сыны... и с всем латиньским языком”, участвовали посадник Мирошка, тысяцкий Яков и все новгородцы.

Вече должно было утверждать чрезвычайные расходы на военные предприятия. В скандинавских сагах, где говорится, что во времена Владимира и Ярослава на Руси собирались тинги — народные собрания, содержится характерный рассказ об Эймунде, предлагавшем свою военную службу “русскому конунгу”, который ответил ему: “Дайте

мне срок посоветоваться с моими мужами, потому что они дают деньги, хотя выплачиваю их я”, и созвал тинг.

Княжеская дружина составляла “корпус быстрого реагирования”, но основная тяжесть военных предприятий, как наступательных, так и оборонительных, если речь шла о земских интересах, ложилась на плечи рядовых “воев” — народного ополчения.

Основная масса свободного населения древнерусской волости была хорошо вооружена и представляла внушительную военную силу. Поляне, по преданию, дают хазарам по мечу “от дыма”, то есть в понятиях летописца меч есть в каждом доме, а не только у знати. О том же свидетельствует и статья 13 “Русской правды”, предусматривающая такой казус: “Если кто возьмет чужого коня, оружие или одежду, а владелец опознает пропавшее в своей общине, то ему взять свое, а 3 гривны за обиду”. Очевидно, что “в своем миру” обнаружить собственное украденное военное снаряжение мог рядовой свободный общинник, а не княжеский “муж”. Народное ополчение состояло как из городских, так и из сельских свободных обывателей. После неудачного для Руси сражения с монголами на реке Калке, как сообщает летопись, “бысть вопль и плачь и печаль по градом по всем и по селом”. Очевидно, “по селом” плакали не из простого сочувствия, но оплакивали павших односельчан. Как отмечают археологи, меч в XII столетии становится массовой продукцией русских оружейников, причем появляются образцы “серийного производства”, для которого был несомненно тесен исключительно дружинный и даже городской “рынок”.

Неверно было бы представлять себе свободного общинника только в роли пешего воина. Простые воины на коне постоянно встречаются на страницах летописи. Князь Изяслав Мстиславич призывал с собой в поход на черниговских Ольговичей всех киевлян “от мала и до велика, кто имеет конь, кто ли не имеет коня, а в лоды”. В другой раз киевляне последовали за своим князем “на конях и пеши многое множество”.

Земские “вои” составляли особую военную организацию, отличную и независимую от княжеской дружины. В мирное время поддерживалась сотенная “мобилизационная система”: все население волости (не только городов, но и сел) было разбито на административные единицы — десятки и сотни, объединенные под общим руководством избираемого вечем тысяцкого. В походе это войско, находящееся под командой собственных воевод, действовало под общим руководством князя, но не было подчинено ему безусловно. Нередки случаи, когда городские “вои” прямо нарушали княжеские распоряжения. Князья Святополк, Владимир и Ростислав во время похода 1093 г. решили не переходить Стугну, стремясь избежать столкновения с половцами. Однако киевляне не со-

гласились с этим решением, они постановили двинуться “на ону сторону реки”, и князья вынуждены были следовать за земской ратью.

Своей численностью городской “полк” по крайней мере на порядок превосходил княжескую дружину. Неудивительно, что в случае конфликта князя с городом, когда горожане расторгали договор с князем и “казали ему путь чист”, неугоднему “самодержцу” ничего не оставалось, как подчиниться и отправиться по указанному пути искать другого “стола”. Для вооруженного противодействия сил дружины явно было недостаточно.

Суверенитет древнерусских городов-государств ярко проявляется в том, что они вступали в дипломатические сношения — “правили посольства” друг к другу и в отдаленные страны. В 1164 г. к византийскому императору Мануилу прибыли “Киевский сол (посол) и Суждальский сол Илья, и Переяславский, и Черниговский”. В 1229 г. для заключения договора с Ригой и Готским берегом отправились послы “от Смолнян”, то есть послы городской общины участвовали в заключении договора наряду с княжескими и отдельно от них. Существовал и институт “международного посредничества”: в 1135 г. “ходил Мирослав посадник из Новгорода мирить киевлян с черниговцами”, успеха акция, правда, не имела.

В целом позволительно утверждать, что политическая система древнерусской волости была вполне “демократической” (постоянно имея в виду условность и неточность употребления современной политической терминологии по отношению к такой удаленной эпохе). По всей видимости, в рамках города существовал некий олигархический орган. Однако скудные сохранившиеся источники не позволяют сказать ничего определенного относительно статуса упоминаемых в них “старцев градских”, с которыми, например, в 988 г. держит совет относительно принятия новой веры князь Владимир Святославич. Во всяком случае, не будет большим преувеличением утверждать, что русские волости не отличались в этом отношении по своему устройству от античных полисов и городов-государств средневековой Европы. Но только в античном полисе не было князя с дружиной, а русский город не знал западноевропейской “коммунальной революции” — этому препятствовала сама его структура, он состоял из княжеских и боярских дворов-кварталов. Один из лучших знатоков Древней Руси И. Я. Фроянов пришел к заключению, что “с помощью веча, бывшего верховным органом власти городов-государств на Руси второй половины XI — начала XIII в., народ влиял на ход политической жизни в желательном для себя направлении”. Едва ли положение было существенно иным в предшествующие два столетия.